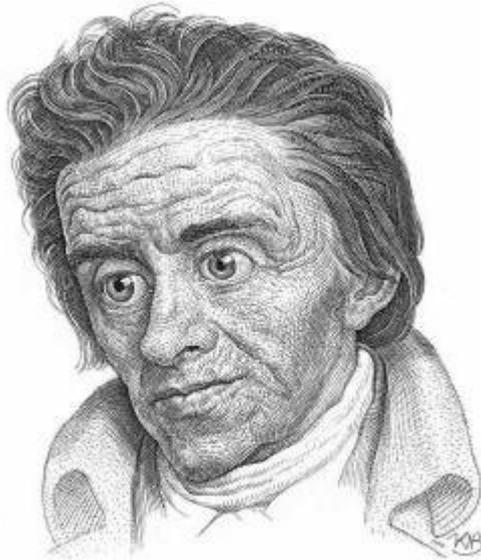

Иоганн Генрих Песталоцци

Как Гертруда учит своих детей

Попытка дать матерям наставление, как самим обучать своих детей

Письма Генриха Песталоцци

Фрагменты, отобранные Б. М. Бим-Бадом

Письмо первое

Между реальными и книжными знаниями существует пропасть. Велик вред, наносимый подлинной силе созерцания и прочному запоминанию окружающих нас предметов односторонними книжными знаниями, лишенными доверия к словам, представляющим собой одни только пустые звуки.

Обучение должно исходить из простейших основных частей человеческих знаний; они должны глубоко запечатлеть в детях формы всех предметов; они должны рано и отчетливо вызывать в них первое понимание соотношения чисел и мер; они должны научить их выражать словами весь объем их знаний и опыта и повсюду полностью заполнять им первые ступени лестницы познания, по которой сама природа ведет нас к овладению любым умением, к приобретению любой способности.

С детьми раннего возраста следует применять следующие средства для их умственного развития:

1. Все больше расширять круг их осознаваемых созерцаний (чувственных

впечатлений).

2. Прочно и систематически объяснять и закреплять осознанные ими созерцания.

3. Предоставлять детям обширные указания и объяснения относительно имен собственных и слов, которые связаны с этими книгами и с которыми дети должны быть знакомы до того, как они станут изучать правописание.

Надо интенсивно повысить умственные силы ребенка, а не только обогатить его экстенсивно представлениями, самыми разнообразными способами. Громко и часто произнося и объяснения детям слова, предложения и длинные периоды, заставляя детей повторять все это вслед за собой, развивают их слух, внимание, память. Уже тогда я заставлял их чертить преимущественно линии, углы и дуги и заучивать наизусть их определения, а в своих правилах обучения письму, которые я стремился установить экспериментальным путем, исходил из основанного на моем педагогическом опыте положения, что дети намного раньше способны понимать пропорции и владеть грифелем, чем владеть пером и выводить маленькие буквы.

Наряду с подлинным созерцанием природы считаю для человека язык важнейшим средством познания. Я исходил из того принципа, что ребенок должен научиться говорить, прежде чем его можно будет учить сознательному чтению. Но и искусство научить детей говорить я связывал с интуитивными понятиями, которые дает им природа, и с теми, которые должно дать им искусство. В языке действительно отразились результаты всего человеческого прогресса.

Чтобы направить детей на путь разумного и самостоятельного мышления, нужно по возможности избегать того, чтобы дети просто зря болтали и приучались высказываться о вещах, которые они знают лишь поверхностно. Полагаю, что время учения не есть время суждений; время суждений начинается с окончанием учения. Оно наступает тогда, когда появляется зрелый подход к тем причинам, которые дают достаточно оснований для вынесения суждения.

В искусстве обучения и в природе в полном их объеме основные методы созерцания, факты, которые благодаря их определенности и всеобщности могут быть использованы в качестве плодотворного средства для облегчения познания многих им подчиненных и связанных с ними предметов, дают детям данные, побуждающие их обращать внимание на сходные предметы. Я свожу в рубрики ряды аналогичных понятий; их определение дает возможность разграничить целые ряды предметов и уяснить детям сущность их различий.

Рубрики содействуют классификации воспринимаемых представлений: они вносят порядок в их хаотическую массу; установленный каркас побуждает ребенка с тем большим усердием заполнять отдельные его клетки. Сказанное относится к главным рубрикам по географии, естественной истории, технологии и т. д. Кроме того, аналогия, играющая решающую роль при выборе предметов, содействует развитию памяти.

Руководящие идеи заключаются в определенных задачах, которые сами по себе являются или могут быть предметом отдельных наук. Если эти задачи разложить на составные части, представить ребенку в понятном для него виде, в расчете на данные, которые уже есть у него или могут быть им легко найдены, и использовать для упражнений в созерцании, то эти задачи приведут к тому, что ум ребенка станет неустанно работать над их разрешением.

Простой вопрос; что человек может использовать из трех царств природы для приготовления себе одежды? — является примером такого метода. Ребенок станет под этим углом зрения рассматривать и исследовать многое, что, на его взгляд, может помочь ему в разрешении этой технологической задачи. Таким образом, ребенок сам создаст для себя ту науку, которую он должен изучить. Конечно, ему должны даваться нужные для этого материалы.

К руководящим идеям относятся также предложения, которые в качестве

практических правил вначале усваиваются только памятью, но постепенно приобретают силу, пригодность и значение и именно благодаря этому глубже запечатлеваются и оказываются более действенными.

Человеческий ум в отношении впечатлений, вызываемых учением, неодинаково восприимчив к различным формам, в которых знания ему преподносятся.

То, что хотим преподать детям, должно быть настолько простым, что любая мать, а позднее любой учитель с минимальными педагогическими способностями могли бы все это понять, прочесть вслух, объяснить и сопоставить. Таким образом можно будет постепенно ликвидировать потребность в начальных школах, заменив их улучшенным домашним воспитанием.

Надобно повсюду добиться способности рассуждать и мыслить, нужной всем людям для самостоятельной и разумной жизни. Но не для того, чтобы науку, как таковую, сделать обманчивой игрушкой для бедняков, нуждающихся в хлебе, а, напротив, для того, чтобы бедняков, нуждающихся в хлебе, с помощью первейших основ истины и мудрости освободить от опасности превращения в жалкую игрушку как своего собственного неведения, так и коварства других.

Этого надо добиваться преимущественно путем упрощения начальных пунктов обучения и непрерывного продвижения ко всему тому, чем можно обогатить индивидуальные познания каждого человека в отдельности.

Письмо второе

Старый метод обучения, который называют катехизацией, меньше всего пригоден для упражнения ума; это простое анализирование слов в беспорядочно расположенных предложениях, и оно лишь в той мере полезно в качестве подготовительного занятия к постепенному уяснению понятий, в какой разрозненные слова и предложения дают ребенку для большей наглядности в определенном порядке.

Необразованный поверхностный человек не постигает глубин, из которых Сократ черпал дух и истину; поэтому естественно, что дело теперь не шло. Учителю не доставало основы для задавания вопросов, а детям — для ответов. Им не доставало также слов для выражения неизвестного им, не доставало книг, которые подсказывали бы им всегда точный ответ на понятый или непонятый вопрос.

Катехизация абстрактных понятий представляет собой только попугайское повторение непонятых звуков; сократический же метод в значительной мере непригоден для детей, которым недостает фундамента предварительных познаний и внешних средств, то есть достаточного знания языка. Высокое искусство сократического метода почти повсюду погрязло в шарлатанстве и из-за примешивания к нему приемов катехизации.

Я определенно высказывался против сократического метода наших кандидатов, говоря, что я отнюдь не за то, чтобы преждевременно делать мнимозрелыми суждения детей о каком-либо предмете, а скорее за то, чтобы по возможности дольше задерживать их, пока дети всесторонне и при различных обстоятельствах не познакомятся со всеми предметами, о которых они должны высказаться, а также со словами, обозначающими свойства и сущность этих предметов.

Весь мой развивающий метод закладывает фундамент для развития ума и дальнейших успехов, что иначе никак не может быть достигнуто.

Мой метод спутали с обычными усовершенствованиями в обучении азбуке и письму. Мои конечные цели найти во всех разделах человеческой деятельности и знания твердые и надежные основы, мое стремление простым и доступным путем укрепить душевные силы детей для овладения любыми знаниями, мое спокойное и кажущееся равнодушным выжидание результатов начинаний, которые должны были развиваться постепенно, сами по себе, — все это представлялось людям воздушными замками.

Усилия научить детей правильно думать, чувствовать и действовать, научить их оживать в себе и ощущать благодать веры и любви до того, как в их память вдолбят в качестве якобы средства развития разума и упражнения ума догмы религии, — не направлены ни против Бога, ни против религии.

Принципы воспитания.

1. Посредством хорошо систематизированной и навсегда заученной номенклатуры можно заложить общий фундамент для всякого рода познаний, пользуясь которым дети и учителя с помощью друг друга, а также сами по себе постепенно, но верно могут возвыситься до ясных понятий во всех отраслях знаний.

2. Благодаря упражнениям в вычерчивании линий, углов и дуг, которыми я тогда начал заниматься, достигается четкость в наглядном восприятии всех предметов и дети приобретают умение, которое в дальнейшем поможет им постепенно уточнить и уяснить себе все то, что входит в круг их опыта.

3. Упражнения детей в элементарном вычислении следует производить, пользуясь реальными предметами или по меньшей мере их изображениями; дети должны прочно усвоить основы арифметики, так как это предохранит их от ошибок и путаницы в дальнейшем.

4. Заученные детьми наизусть описания таких действий и состояний, как ходьба, стояние, лежание, сидение и т. д., служат постепенного уяснения всех этих понятий. Заставляя детей описывать таким образом предметы, настолько ясные для детей, что их опыт уже ничего не сможет больше дать для их дальнейшего уяснения, мы отвлекаем детей от попыток описать что-либо, чего они не знают, этот метод придает детям силу, позволяющую им производить описания во всех областях знаний, почерпнутых из созерцаний, цельно, определенно, кратко и полно.

5. Значение моего метода для борьбы с предрассудками: истина, вытекающая из созерцания, делает излишними утомительные речи и разнообразные словесные махинации, которые не предохраняют от заблуждений и предрассудков. Такая истина вызывает в человеке силу, которая сама всячески мешает проникновению в его душу предрассудков и заблуждений. Как истина, так и заблуждение становятся достоянием воображения не в результате созерцания, а благодаря магическим словам, как бы с помощью *laterna magica*.

6. Собираение растений, которым мы занимались последним летом, а также связанные с этим занятием беседы в особенности привели его к убеждению, что весь круг знаний, которым мы обязаны нашим чувствам, является следствием обобщения внимания к природе, прилежного собирания и закрепления всего, что природа предоставляет нам для изучения.

Все эти взгляды в сочетании с усилившейся потребностью непременно согласовать между собой все средства обучения и все учебные предметы привели к убеждению, что возможно создать такой метод обучения, в котором основы всех знаний и всех умений будут так объединены, что учителю придется изучать только метод их применения; руководствуясь им, учитель сможет добиться того, что он сам и дети овладеют всеми знаниями, которые приобретаются в процессе обучения. При этом методе обучения требуется не ученость, а здравый смысл и навыки в применении метода, чтобы не только заложить в детях прочные основы всех познаний, но и поднять родителей и учителей благодаря только одному участию в применении этих средств познания до достаточной внутренней самостоятельности.

Основное положение — начинать с самого легкого и, прежде чем идти дальше, доводить это легкое до совершенства, а затем, постепенно продвигаясь вперед, добавлять очень немного нового к уже вполне выученному — пусть даже и не вызывает в детях в первый момент обучения чувства собственного достоинства и сознания своих сил, но сохраняет в них живое и великое свидетельство их неослабленной природной силы.

Любое упражнение должно вытекать само собой и без усилий из того, что ребенок уже знает.

Я всегда показываю своим детям только картину, а потом уже ищу для нее подходящее слово. Им дается просто материал для созерцания и основание для будущих суждений и заключений, а также как путеводная нить, по следу которой они позже должны будут сами продвигаться вперед, соединяя в одну цепь свой прежний и будущий опыт.

Сущность метода состоит в низведении всех средств познания к начальным пунктам в каждой отрасли познания и постепенном присоединении к этим начальным пунктам в каждой отрасли всегда лишь небольших добавлений, чем обеспечивается непрерывное продвижение вперед ко все более обширным и новым знаниям.

Лучшие учебниками или состоят из слов, значительная часть которых детям непонятна, или же настолько заполнены понятиями, выходящими за пределы опыта детей и столь были чужды свойственному их возрасту наглядному восприятию вещей, что требовалось огромное количество времени и досуга для объяснения того, что было им непонятно в учебнике. Но само это объяснение было обременительным трудом, который содействовал действительному внутреннему развитию детей не больше, чем отдельный луч света, изредка проникающий в темную комнату или прорезывающий мрак густого непроницаемого тумана.

Правда, кое-что в его опытах казалось мне действительно непсихологичным, например, произнесение вслух для повторения детьми трудных, запутанных предложений, которые сперва должны были произвести на ребенка весьма неясное впечатление. Однако, когда я, с одной стороны, увидел, с какой энергией он подготавливал постепенное разъяснение понятий, и, с другой — когда он мне ответил по этому поводу, что сама природа сначала дает возможность все воспринять только беспорядочно и смутно, а потом хотя и медленно, но верно приводит все к ясности, — я больше не возражал, тем более что отдельным своим исканиям он, как я видел, не придавал особого значения и многое пробовал, чтобы потом от него отказаться.

Письмо третье

Неумение давать точные определения и было, собственно, причиной того, что я так долго бродил впотьмах в области своей специальности, не понимал и не мог понять принципов Песталоцци, относящихся к пей. Но, преодолев все эти трудности, я вскоре увидел себя во всех отношениях близким к цели и с каждым днем все больше узнавал преимущества метода. Я особенно ясно видел, что Азбука Созерцания благодаря точному языку, которым она вооружает детей для определения предметов их созерцания, порождает в них более тонкое ощущение правильности пропорций. Вообще люди, получившие умелую и заботливую подготовку в области языка, сами смогут, в результате только одного знания правильного названия предметов, легче различать их и вернее придут к отчетливому осознанию их отличительных признаков, чем это когда-либо станет возможным для обучавшихся иным образом.

Письмо четвертое

Насколько я знал школьное обучение, оно представлялось мне большим домом, верхний этаж которого хотя и блещет высоким совершенным искусством, но мало населен; в среднем этаже живёт значительно больше людей, но им не хватает лестниц, по которым они могут подняться на верхний этаж, пак полагается людям; когда же некоторые из них проявляют охоту взобраться на верхний этаж по-звериному, то, если их заметят, большей частью бьют их по пальцам, временами даже переламывают им руку или ногу, которой они с этой целью пользовались. В нижнем этаже живет бесчисленная толпа людей, имеющих совершенно те же права

на солнечный свет и свежий воздух, что и верхние жильцы, однако эти люди не только предоставлены самим себе в отвратительном мраке конур без окон, но им надевают на глаза шоры и вводят в заблуждение, делая их глаза непригодными даже для того, чтобы взглянуть на этот верхний этаж.

Я старался найти законы, которым в силу самой их природы должно подчиняться развитие человеческого ума; я знал, что законы эти должны быть тождественны с законами физически чувственной природы, и рассчитывал непременно найти в них нить, из которой можно сплести общий психологический метод обучения.

Человек, говорил я себе, в мечтательных поисках этой нити, как и в полностью зрелом во всех его частях плоде, ты видишь результат физического созревания; так не считай же зрелым человеческое суждение, не являющееся результатом полностью завершеного во всех его частях восприятия предмета, о котором должно быть высказано это суждение; наоборот, каждое суждение, которое человеку покажется зрелым раньше, чем вполне было завершено его восприятие, считай не чем иным, как червивым плодом, упавшим с дерева и только потому кажущимся зрелым.

1. Научись поэтому сначала упорядочивать свои созерцания и завершать простое, раньше чем перейти к чему-либо сложному. Старайся в каждой области приобретать знания в такой последовательности, при которой каждое новое понятие является небольшим, почти незаметным добавлением к глубоко усвоенным прежним знаниям, которые стали для тебя незабываемыми.

2. Далее все родственные по своему содержанию предметы приведи в своем сознании в такую именно связь, в какой они находятся в природе, подчини в своем представлении все несущественные предметы существенным, в особенности подчини получаемое тобой в процессе обучения опосредствованное впечатление от предмета тому впечатлению, которое этот предмет производит на тебя в природе с ее подлинной правдой; не придавай никакому предмету в своем представлении большего значения, чем он для человеческого рода имеет в самой природе.

3. Впечатления от важнейших предметов усиливай и уясняй путем более близкого знакомства с ними в процессе изучения и их восприятия различными чувствами. Для этой конечной цели прежде всего познай закон физического механизма, который относительную силу всех воздействий ставит в зависимость как от близости или отдаленности каждого предмета, воздействующего на твои чувства, так и от самих твоих чувств. Никогда не забывай, что от этой близости или отдаленности в очень сильной степени в каждом отдельном случае зависит все положительное в твоих взглядах, в твоём профессиональном образовании и даже в твоей добродетели.

4. Считай все действия физической природы безусловно необходимыми и эту необходимость рассматривай как результат искусства, с которым природа для достижения своей цели соединяет между собой посредством симметрии кажущиеся разнородными элементы ее материи; заставь искусство, которым ты в процессе обучения воздействуешь на людей, таким же образом сделать физически необходимыми результаты, которых оно добивается так, что во всей твоей деятельности средства, даже кажущиеся очень разнородными, служат для достижения все той же главной цели.

5. Но богатство и разнообразие воздействующих [на человека] явлений природы и сферы их действия служат причиной того, что результаты физической необходимости носят на себе печать свободы и самостоятельности. Действуй и ты так, чтобы результаты формирования умений и приобретения знаний, которые уже стали физической необходимостью, благодаря богатству и разнообразию средств воздействия и области их применения носили бы на себе печать свободы и самостоятельности.

Все эти законы, которым подчинено развитие человеческой природы, во всем их

объеме вращаются вокруг одного центра — они вращаются вокруг центра всего нашего бытия, а им являемся мы сами.

Друг! Все, что я собой представляю, все, что хочу, и все, что я должен сделать, исходит от меня самого. Почему же мое познание не должно исходить также от меня самого?

Письмо пятое

Все предметы, воспринимаемые моими чувствами, лишь постольку служат для меня средством прийти к правильным взглядам, поскольку явления этих предметов дают мне возможность воспринять с помощью моих чувств их постоянную, неизменную сущность преимущественно перед их непостоянным, изменчивым состоянием или их свойствами. И наоборот, они постольку являются для меня источниками заблуждений и ошибок, поскольку их явления позволяют мне представить себе их случайные свойства преимущественно перед их сущностью.

К каждому восприятию, глубоко запечатлевшемуся в человеческом сознании и ставшему незабываемым, легко и как бы произвольно присоединяется целое множество более или менее родственных этому восприятию побочных понятий.

Как только сущность предмета запечатлелась в твоём сознании с несравненно большей силой, чем его отдельные свойства, твоя природа сама поведет тебя в отношении этого предмета день ото дня от истины к истине, и, напротив, как только изменчивые свойства предмета в твоём уме запечатлеются несравненно сильнее, чем его сущность, твоя природа будет ежедневно вести тебя в отношении этого предмета от заблуждения к заблуждению.

Благодаря сопоставлению предметов, одинаковых по их сущности, твоё понимание их станет значительно более широким, острым и основательным. Одностороннее, преобладающее впечатление от свойств отдельных предметов будет ослаблено в пользу впечатления, которое должна произвести на тебя их сущность. Твой ум не будет подавлен силою впечатлений от отдельных свойств; и ты будешь избавлен от опасности поддаться необдуманному смешению внешней стороны предметов с их сущностью и тем самым проявить чрезмерное пристрастие и предпочтение к какому-либо предмету, который при более правильном взгляде на него предстанет как побочный. Твоя голова не будет переполнена подобными фантастическими побочными предметами. Иначе быть не может. Чем больше человек усвоил всеобъемлющие и общие взгляды на вещи, тем меньше ограниченные, односторонние взгляды могут ввести его в заблуждение относительно сущности предмета; напротив, чем меньше он имеет опыта во всеобъемлющем восприятии природы, тем легче отдельные взгляды относительно изменчивого состояния предмета могут исказить и даже вытеснить [из его сознания] самую сущность предмета.

И даже самое сложное созерцание состоит из простых основных частей; если ты в отношении их пришел к определенной ясности, то самое сложное окажется для тебя простым.

Чем большим количеством чувств ты познаёшь сущность явления или какого-либо предмета, тем правильнее будут твои знания о нём.

Это, кажется мне, основные правила физического механизма, сами по себе вытекающие из природы нашего ума. К ним присоединяются общие законы самого этого механизма, из которых я коснусь сейчас только одного: завершенность — величайший закон природы, все незавершенное не истинно.

Вторым источником этих физико-механических законов является тесно связанный с указанной способностью к чувственному восприятию чувственный характер моей природы.

Человеческая природа во всех своих проявлениях колеблется между склонностью со всем познакомиться, все знать и склонностью всем наслаждаться, а последняя

сдерживает стремление к знанию и познанию. Как простая физическая сила, инертность людей оживляется благодаря их любопытству, а их любопытство сдерживается их инертностью. Но ни оживление одного, ни сдерживание другого сами по себе не представляют ничего, кроме физической ценности. Напротив, большее значение имеет первое в качестве чувственного фундамента способности к исследованию, а второе — в качестве чувственного фундамента хладнокровных суждений.

Благодаря огромной привлекательности, которую древо познания представляет для нашей чувственной природы, мы приходим ко всем нашим знаниям. Благодаря же принципу инертности, который кладет предел нашему легкому, поверхностному порханию от одного созерцания к другому, человек во многих отношениях созревает для познания истины раньше, чем он ее выскажет. Непроизвольное рассматривание предметов – первый шаг в этом созревании.

Третьим источником этих физико-механических законов является связь моего внешнего положения с моей способностью познавать.

Человек привязан к своему гнезду, и, если он прикреплен к нему сотней нитей и описывает вокруг него сотни кругов, делает ли он больше, чем паук, также прикрепляющий себя сотнями нитей к своему гнезду и описывающий вокруг него сотни кругов? И в чем состоит различие между несколько большим и несколько меньшим пауком? Сущность их деятельности заключается в том, что они все сидят в центре круга, ими описываемого, но человек не сам даже выбирает центр, в котором он волнуется и действует; будучи только физическим существом, он признает все истины мира исключительно в той мере, в какой предметы, становящиеся объектом его восприятия, приближаются к центру, в котором он волнуется и действует и где ему приходится волноваться и действовать в большинстве случаев помимо его собственной воли.

Письмо шестое

Для меня было очевидно, что форма, в которой развитие человечества определяется сущностью самой природы, основывается на общем свойстве нашего ума обобщать впечатления, полученные от природы через органы чувств, в некое единство — понятие — и постепенно доводить его до четкости.

Обучение и искусство преподносят нам в отдельности взаимопроникающие беспорядочные созерцания, затем подвергают эти отдельные созерцания нашему всестороннему рассмотрению и, наконец, приводят их в связь со всем кругом уже имевшихся у нас знаний. Таким образом, наши познания из беспорядочных становятся определенными, из определенных — ясными и из ясных — четкими.

Но природа, продвигаясь вперед в этом развитии, постоянно придерживается того великого закона, который ясность моих познаний ставит в зависимость от того, далеко или близко находятся предметы, воздействующие на мои чувства. Все, что тебя постоянно окружает, представляется твоим чувствам *caeteris paribus* (лат. - при прочих равных условиях) в такой же степени беспорядочным и трудным для ясного понимания, в какой оно удалено от твоих чувств; и наоборот, все представляется тебе в такой же степени определенным и легким для понимания, в какой оно доступно твоим пяти чувствам.

Следовательно, ясность и неясность твоих понятий, в сущности, целиком зависят от того, на каком расстоянии все внешние предметы воздействуют на твои пять чувств, то есть на тебя самого, или на тот центр, в котором в тебе самом концентрируются твои представления. Этот центр всех твоих чувственных восприятий — ты сам, для себя самого ты являешься объектом созерцания; все, что является тобою самим, тебе легче сделать ясным и понятным, чем все то, что находится вне тебя.

Следовательно, среди всего того, что является ясным, ничто не может быть

яснее, чем принцип, что знание истины у человека исходит из знания себя самого.

Средства, способствующие уточнению всех наших познаний, основанных на чувственных восприятиях, исходят из числа, формы и языка.

Но успех этого дела очевидно предполагает наличие у человека следующих развитых способностей:

1) способности различать неодинаковые по форме предметы и представлять себе их сущность;

2) способности различать эти предметы по количеству и четко представлять себе в виде одного или множества предметов;

3) способности уже полученные представления о числе и форме какого-либо предмета усилить при помощи языка и удержать в памяти.

Число, форма и язык, вместе взятые, являются элементарными средствами обучения, так как сумма всех внешних качеств какого-либо предмета складывается в пределах его формы и его числовых отношений и при помощи языка осваивается моим сознанием. Следовательно, искусство обучения должно сделать своим неизменным законом исходить из этого тройственного основания и действовать следующим образом:

1. Учить детей рассматривать каждый предмет, доведенный до их сознания, как отдельную единицу, то есть отдельно от тех предметов, с которыми он кажется связанным.

2. Познакомить их с формой каждого предмета, то есть с его размером и пропорциями.

3. Как можно раньше познакомить детей во всем объеме со словами и названиями предметов, которые они узнали.

И как обучение детей должно исходить из этих трех элементарных пунктов, точно так же и первые усилия искусства обучения должны быть направлены на то, чтобы с помощью высшего психологического искусства развить основные способности — считать, измерять и говорить, лежащие в основе правильного познания всех наблюдаемых предметов; кроме того, искусство обучения должно эти способности укрепить и сделать полноценными, то есть довести средства развития и формирования этих трех способностей до максимальной простоты, высшей последовательности и наибольшего соответствия между собой.

Все предметы, какие только существуют, обязательно имеют число, форму и название, остальные же свойства, познаваемые посредством пяти чувств, присущи не всем предметам; с одной группой предметов какой-либо предмет имеет одни общие свойства, а с другой — другие.

Итак, между числом, формой и названием всех вещей и остальными их свойствами я нашел существенное и определенное различие такого порядка: я не мог рассматривать другие свойства предметов как элементарные пункты человеческого познания; напротив, я установил, что все остальные свойства предметов, познаваемые нашими пятью чувствами, можно присоединить непосредственно к этим элементарным пунктам человеческого знания и что, следовательно, в процессе обучения знание детьми всех остальных свойств предметов должно быть непосредственно связано с предварительным знанием ими формы, числа и названия.

Я увидел, что осознание числа, формы и названия какого-либо предмета делает мое понимание этого предмета определенным; благодаря постепенному познанию всех других его свойств это понимание становится ясным; в результате осознания взаимосвязи, существующей между всеми отличительными признаками предмета, это понимание делается четким. Затем я нашел, что все наше познание имеет в своей основе три элементарные силы:

1) силу произносить звуки, из чего проистекает способность к речи;

2) неопределенную, чисто чувственную силу представления, из которой возникает способность познавать любые формы;

3) определенную, уже не только чувственную силу представления, из которой проистекает осознание единицы и вместе с ней способность считать и вычислять.

Таким образом, искусство человеческого образования должно быть связано с первыми и наиболее простыми результатами действия этих трех основных сил — со звуком, формой и числом. Эти главные результаты действия трех атомарных сил нашей природы и твердо и уверенно содействуют тому, чтобы ход обучения до самого его завершения включить в русло непрерывного поступательного движения. В процессе этого движения атомарные силы упражняются сообща и равномерно, и только благодаря этому по существу становится возможным во всех этих трех разделах равномерно переходить от смутных чувственных восприятий к определенным, от определенных восприятий — к ясным представлениям и от ясных представлений — к четким понятиям.

Письмо седьмое

Первым исходным средством обучения является, следовательно, звук.

Из него вытекают следующие специальные средства обучения:

I. Обучение звуку, или средства развития органов речи.

II. Обучение словам, или средства ознакомления с отдельными предметами.

III. Обучение речи, или средства научиться ясно выражаться о предметах, ставших нам известными, и обо всем, что мы в состоянии о них узнать.

I. ОБУЧЕНИЕ ЗВУКУ

Оно в свою очередь делится на обучение звукам речи и на обучение звукам в пении.

О звуках речи. В отношении звуков речи нельзя предоставлять случаю решение вопроса о том, дойдут ли они до ушей ребенка рано или поздно, в обильном или скудном количестве. Важно, чтобы звуки речи стали ему известны во всем своем объеме и по возможности рано. Знакомство ребенка с ними должно быть завершено еще до того, как у него разовьется способность произносить их. В свою очередь, умение легко повторять вслед за кем-нибудь все звуки должно окончательно сложиться до того, как ребенку покажут буквы и начнут с ним первые упражнения в чтении.

Поэтому книга слогов должна содержать во всем объеме звуки, из которых состоит речь; в каждой семье ребенок, занимающийся по ней, должен ежедневно упражняться в произнесении их в присутствии младенца, еще лежащего в колыбели, чтобы дошедшие до его слуха звуки благодаря частому повторению глубоко запечатлелись в памяти, прежде чем младенец будет в состоянии произнести хотя бы один из них.

Ни один человек, не наблюдавший этого, не представляет себе, до какой степени произнесение таких простых звуков, как ба-ба-ба, да-да-да, ма-ма-ма, ла-ла-ла, возбуждает внимание и привлекает детей, еще не умеющих говорить; тот, кто не наблюдал этого, не может также представить себе, насколько раннее знакомство с этими звуками развивает способность ребенка к учению.

Матерям предлагается несколько раз в день и на различный манер произносить детям эти ряды звуков еще до того, как дети научатся говорить, чтобы возбудить внимание и напомнить им эти звуки. Такое произнесение вслух должно проводиться с удвоенным усердием и вновь начаться сначала, как только дети начнут говорить, чтобы заставить их повторять сказанное и тем самым быстро научить речи.

Крайне необходимо продвигаться медленно и никогда не переходить к чему-либо новому прежде, чем старое не запечатлелось неизгладимо в памяти детей, ибо на этом построено все обучение чтению; на этом фундаменте все последующее строится лишь посредством малых и постепенных добавлений.

Обучение пению согласно общим принципам надо начинать с самого простого, достигнуть в нем совершенства и лишь постепенно, когда старое упражнение будет уже в полной мере усвоено, начинать новое. Но при этом никогда не следует допускать, чтобы необоснованное, мнимое топтание на месте тормозило и нарушало то, что составляет самые основы способностей.

II. ОБУЧЕНИЕ СЛОВУ

Вторым специальным средством обучения, вытекающим из способности произносить звуки, является обучение словам, или, вернее, обучение названиям.

В этой области ребенок должен получить первые указания в «Книге матерей». Она составлена таким образом, что в ней говорится о самых существенных в мире предметах и особенно таких, которые в качестве родовых и видовых включают в себя целые последовательные ряды предметов. Матери получают возможность познакомить детей с самыми определенными названиями предметов и сделать их для детей привычными, благодаря чему дети уже с самого раннего возраста подготавливаются к обучению названиям, то есть ко второму специальному средству обучения, выведенному из способности произносить звуки.

Обучение названиям заключается в изучении рядов названий важнейших предметов из всех разделов царства природы, истории и географии, человеческих профессий и отношений.

Ряды слов даются ребенку в качестве простого упражнения в чтении непосредственно после окончания им книги слогов: опыт показал мне, что дети могут хорошо заучить наизусть эти названия в течение того времени, которое требуется, чтобы довести беглость чтения до полного совершенства; польза от такого полного за это время ознакомления со столь разнообразными и многочисленными рядами названий огромна для облегчения дальнейшего обучения детей. На это ознакомление необходимо, собственно, смотреть как на простое, хаотическое собирание материалов для дома, постройка которого предполагается позднее.

III. ОБУЧЕНИЕ РЕЧИ

Третьим специальным средством обучения, вытекающим из способности произносить звуки, является обучение речи.

Теперь я подошел к тому пункту, когда начинает раскрываться та форма, в которой искусство обучения, используя уже сформировавшуюся особенность человека — язык, может идти в ногу с природой в деле нашего развития.

Усилия научить называть предметы и научить узнавать признаки предметов:

а) на усилия научить ребенка точно определять число и форму; число и форма в качестве подлинных элементарных свойств всех предметов являются двумя самыми обширными обобщениями физической природы и сами по себе теми двумя пунктами, к которым присоединяются все остальные средства, служащие для уяснения наших понятий;

б) на усилия научить ребенка точно определять не только число и форму, но и остальные свойства предметов (как и те, которые познаются пятью чувствами, так и те, которые познаются не путем простого чувственного восприятия, а с помощью нашего воображения и способности к суждению).

С числом и формой ребенка надо рано ознакомить, и не просто как со свойством, присущим отдельным предметам, а как с физическим обобщением. Он должен рано уметь не только называть круглые предметы круглыми, а четырехугольные — четырехугольными, но и, если возможно, заранее еще усвоить себе понятие круглого, четырехугольного целого предмета как чисто абстрактное понятие, для того чтобы все, что он в природе увидит круглое, четырехугольное, одинарное, четверное и т. д., он смог бы связать с определенным словом, выражающим обобщение этого понятия.

Поэтому уже с самого раннего возраста начинается подготовка детей к ясному

пониманию этих обобщений.

Что же касается тех свойств предметов, которые становятся нам известны не непосредственно при помощи наших пяти чувств, а благодаря вмешательству нашей способности сравнивать, нашего воображения и нашей способности к обобщению, то я и здесь остаюсь верным своему принципу не добиваться того, чтобы какой-либо вид человеческого суждения преждевременно сделать мнимозрелым, а использую неизбежное знакомство детей этого возраста с такими отвлеченными словами как только дело памяти, как легкую пищу для игры их воображения и их способности догадываться. Напротив, что касается предметов, непосредственно познаваемых нашими пятью чувствами, в отношении которых следует стремиться как можно скорее научить ребенка умению определять их, я принимаю следующие меры.

Из словаря выписываю имена существительные, которые отличаются ярко выраженными признаками, узнаваемыми при помощи пяти наших чувств, и прибавляю к ним имена прилагательные, выражающие эти признаки.

Затем я изменяю прием и таким же образом отыскиваю в словаре имена прилагательные, выражающие признаки предметов, воспринимаемые нашими чувствами, и прибавляю к ним имена существительные, которым свойственны признаки, выраженные прилагательными.

Но я отнюдь не стараюсь полнотой этих примеров уменьшить возможности самостоятельного мышления ребенка. В каждом случае я даю лишь немного примеров, но таких, которые наверняка ему понятны, и сразу же спрашиваю: «Знаешь ли ты еще что-нибудь, что похоже на это?» В большинстве случаев дети в пределах своего опыта находят новые примеры и часто даже такие, которые не пришли бы в голову учителю; следовательно, круг их познаний расширяется и проясняется так, как это невозможно сделать с помощью катехизации, а если и возможно, то по меньшей мере посредством стократ больших умений и труда.

При всякой катехизации ребенок отчасти связан рамками определенного понятия, по поводу которого задаются вопросы, отчасти — формой, в которой вопросы задаются, наконец, еще кругом познаний учителя и, что еще важнее, рамками боязливых стараний не быть выведенным из своей колеи.

Закончив это, я путем дальнейшего использования словаря стараюсь еще больше облегчить ребенку, которому многосторонне известны предметы реального мира, постепенное уяснение столь знакомых ему предметов. С этой целью я подразделяю сначала все существующее на четыре главные рубрики: 1) географию; 2) историю; 3) природоведение; 4) естествознание.

Но, чтобы избежать ненужных повторений одного и того же слова и сделать обучение по возможности кратким, я эти главные разделы тотчас же подразделяю примерно на сорок подразделов и только в этих рубриках даю детям названия предметов. Затем особенно пристально рассматриваю великий объект своего созерцания — самого себя, или, вернее, весь ряд названий, которые содержит язык по поводу меня самого, путем подведения под следующие главные рубрики всего, что о человеке говорит это великое свидетельство древности — язык.

Первая рубрика. — Что говорит язык о человеке, если его рассматривать только как физическое существо, в связи с животным царством?

Вторая рубрика. — Что говорит язык о нем, если человек с помощью своего общественного состояния стремится к физической самостоятельности?

Третья рубрика. — Что говорит язык о нем, если человек благодаря силам своего сердца, своего ума и своей руки стремится к более высокому, чем у животных, знанию самого себя и всего своего окружения?

Затем, как выше упомянуто, делю эти три рубрики на примерно сорок подразделов и только в них даю названия предметов ребенку.

В первый раз эти последовательные ряды в обоих разделах следует

использовать как в отношении человека, так и в отношении прочих предметов мира в чисто алфавитном порядке, не привнося каких-либо оценок и даже не считаясь с вытекающими из этих оценок следствиями; надо только путем сопоставления сходных восприятий и вытекающих из них понятий добиваться постепенного уяснения и тех, и других.

Когда же это закончено, когда сведения обо всем существующем были использованы таким образом во всей простоте алфавитного порядка, я ставлю второй вопрос о последовательности этих предметов, исходя из более точных их определений.

Те же самые слова, которые уже ребенку известны как расположенные в семидесяти-восемидесяти рядах в алфавитном порядке и вполне им усвоены, дают ему вновь, но на этот раз распределенными так, как их классифицирует искусство обучения; ребенка учат самого выбирать ряды слов и располагать их в соответствии с классификацией.

Это происходит следующим образом: различные разделы, на которые искусство обучения подразделяет предметы, выписываются над каждым рядом слов, а сами разделы отмечаются числами, сокращениями или другими произвольными знаками.

Уже на первой стадии обучения чтению ребенок должен твердо усвоить эти различные разделы главных отделов, а затем при каждом из рядов слов он находит обозначение отдела, в который условно включено слово; следовательно, при первом взгляде на знак ребенок в состоянии определить, к какому искусственному ряду относится этот предмет, и таким образом алфавитную номенклатуру всех отделов сам может превратить в научную.

Третье средство изучения языка должно привести нас к конечной цели обучения — уточнению наших понятий. Это средство заключается в старании так обучить ребенка, чтобы он умел при помощи языка правильно определять взаимосвязь предметов и их изменяющееся в соответствии с числом, временем и обстоятельствами состояние; или, вернее, мог еще больше уточнить себе сущность, качества и свойства всех тех предметов, которые он узнал благодаря изучению названий и до известной степени уяснил себе, сопоставляя названия и свойства предметов.

Таким образом и вскрываются основы, из которых должна исходить настоящая грамматика, а также осуществляется дальнейшее постепенное продвижение, в процессе которого это третье средство приведет нас к конечной цели обучения — уточнению понятий.

Матери произносят перед детьми предложения такого типа:

Отец добр.

Бабочка пестрокрыла.

Рогатый скот травояден.

Сосна имеет прямой ствол.

Когда ребенок [вслед за матерью] произнесет эти предложения столько раз, что ему легко будет повторять их, мать спрашивает: «Кто добр? Кто пестрокрыл?» Затем наоборот: «Каков отец? Какова бабочка?» и т. д.

И мать продолжает так:

Кто? Каковы?

Хищные звери плотоядны.

Олени легконоги.

Корни раскидисты.

Кто имеет? Что имеет?

Лев имеет силу.
Человек имеет разум.
Собака имеет хорошее чутье.
Слон имеет хобот.

Кто имеют? Что имеют?

Растения имеют корни.
Рыбы имеют плавники.
Птицы имеют крылья.
Быки имеют рога.

Кто хочет? Чего хочет?

Голодный хочет есть.
Заключенный хочет освободиться.
Кредитор хочет уплаты.

Кто хотят? Чего хотят?

Разумные хотят того, что справедливо.
Неразумные хотят того, на что они позарились.
Дети очень хотят играть.
Усталые очень хотят отдохнуть.

И так далее.

Таким образом я по всем видам склонений и спряжений продолжаю сочетать вторую ступень этих упражнений с первой и особенно продвигаюсь в использовании глаголов.

К этому я присоединяю примерные описания чувственно воспринимаемых предметов, чтобы силы детей, развиваемые этими упражнениями, применить и еще более укрепить.

Например, колокол представляет собой открытую снизу, широкую, толстую, круглую, обычно свободно висящую чашу, которая кверху суживается, вверху яйцеобразно выгибается и посередине имеет отвесный, свободно свисающий язык, ударяющий при сильном движении чаши вниз в оба ее края, вызывая тем самым звук, который мы называем звоном. ...

Мой метод обучения главным образом отличается тем, что он больше, чем до сих пор бывало, пользуется языком как средством поднять ребенка от смутных восприятий до четких понятий. Этот метод отличается также и тем, что исключает из первоначального элементарного обучения все словосочетания, предполагающие действительное знание языка. Кто признаёт, что только через ясность частного природа приводит к пониманию целого, тот также признает, что ребенку должны быть ясны все слова в отдельности, прежде чем можно будет сделать ему понятными их взаимосвязи; а кто признает это, тот сразу вынужден будет отбросить все прежние учебники, так таковые, потому что все они предполагают у ребенка знание языка, прежде чем они сами его дадут.

Язык является искусством — необъятным искусством, или, вернее, совокупностью

всех искусств, которыми овладел род человеческий. Он, собственно, является воспроизведением всех впечатлений, которые природа во всем ее объеме произвела на род человеческий. Дар речи сам по себе беспределен и благодаря все возрастающему совершенствованию языка с каждым днем становится все беспредельнее. Язык дает ребенку в короткое мгновение то, что человек получил от природы за тысячелетия.

Вторым элементарным средством, из которого исходит и должно исходить всякое человеческое познание, а следовательно и сущность всех средств обучения, является форма.

Учению о форме предшествует осознание формы наблюдаемых предметов; их рассмотрение в процессе обучения должно быть обусловлено отчасти природой самой способности к созерцанию, отчасти — определенными целями самого обучения.

Все наши знания имеют своими источниками:

1. Впечатления от всего того, что случай приводит в соприкосновение с нашими пятью чувствами. Этот путь восприятия случайный, беспорядочный, ограниченный и очень медленный.

2. Все, что воспринимают наши чувства благодаря вмешательству искусства обучения и воспитания при помощи наших родителей и учителей. На этом пути ребенок может сделать в зависимости от благоразумия и деятельности родителей и учителей более или менее обширные, упорядоченные и расположенные в психологической последовательности созерцания. Эти созерцания могут производиться более или менее быстро и более или менее успешно достигать цели обучения — уточнения понятий.

3. Волю, которая основывается на внутреннем побуждении всех сил к тому, чтобы приобрести убеждения, знания и умения и самостоятельно добиваться разнообразных путей для осуществления созерцаний. Такого рода познания реальных вещей придают нашим убеждениям внутреннюю ценность и, предоставляя результатам нашего созерцания возможность свободного существования внутри нас, приближают нас к самостоятельному моральному воздействию на наше образование.

4. Результаты усилий и труда в области своей профессии и всякой деятельности, имеющей целью не только созерцание. Этот путь приобретения знаний связывает мои созерцания с моим положением и обстоятельствами, согласует их результаты с усилиями выполнить свой долг и быть добродетельным. Своим вынужденным ходом, а также бессилием изменить собственные же результаты этот путь оказывает самое значительное влияние на правильность, полноту и гармонию моих познаний и тем самым содействует достижению поставленной цели — четкости понятий.

5. Наконец, к знаниям, полученным в результате созерцания, можно отнести и тот случай, когда я знакомлюсь со свойствами таких вещей, которые никогда, собственно, не были объектом моего созерцания, но о которых я получаю представление на основе аналогии с другими предметами, которые действительно наблюдал. Этот путь созерцания превращает мои успехи в приобретении познаний, которые в качестве результата действительных созерцаний были лишь делом моих чувств, в дело моей души и всех ее сил; благодаря этому жизнь моя включает столько видов созерцаний, сколько у меня душевных сил. Но в отношении этих созерцаний слово имеет более широкое значение, нежели в обычном употреблении, и охватывает также весь ряд чувств, не отделимых от природы моей души. Необходимо познакомиться с этими различными путями созерцания, чтобы вывести для каждого из них соответствующие правила.

Из осознания формы наблюдаемых предметов возникает искусство измерения. Но оно основывается непосредственно на искусстве наблюдения, которое в

значительной степени следует отличать от простой познавательной способности, а также от простого созерцания предметов. Из этого достигнутого уровня искусства созерцания затем развиваются все виды измерений и их результатов. Но именно эта развитая [в процессе обучения] способность к созерцанию приводит нас и помимо правил искусства измерения — через сравнение предметов — к свободному подражанию этим пропорциям, то есть к искусству рисования; и, наконец, мы используем способность рисовать также в искусстве письма.

Искусство измерения. Оно предполагает предварительное знакомство с Азбукой созерцания, то есть предполагает владение искусством упрощать и уяснять правила измерения путем точного выделения всех тех различий, которые обнаруживаются при созерцании.

Если согласиться с принципом, что созерцание есть основа всех знаний, то неоспоримо следует, что правильность созерцания является подлинной основой наиболее правильного суждения.

Совершенно очевидно, что при обучении детей предметам, относящимся к искусству рисования, в полной мере правильное созерцание является следствием измерения предмета, который нужно определить или скопировать, или настолько развитого чувства пропорции, что делает излишним измерение предметов. Следовательно, умение правильно измерять занимает в обучении изобразительным искусствам место рядом с потребностью в созерцании. Рисование есть линейное изображение формы, объем и содержание которой правильно и точно были определены с помощью развитой способности измерять.

Принцип, согласно которому умения и способность все измерять и соответствующие упражнения должны предшествовать упражнениям в рисовании или по меньшей мере идти с ними нога в ногу, столь же очевиден, как и то, что он не применяется. Ведь весь ход нашего художественного образования таков: начинаем с неверного созерцания и кривой постройки, затем сносим ее, пока, наконец, и притом поздно, не созреет чувство пропорции; тогда мы, наконец, приходим к тому, с чего следовало начинать, — к измерению. Таков наш путь к искусству, а все же мы на несколько тысячелетий старше египтян и этрусков, все рисунки которых основывались на развитой способности измерять или по существу были не чем иным, как простыми изображениями таких измерений.

Теперь спрашивается, с помощью каких средств можно развить в ребенке эту основу всякого искусства — правильно измерять все предметы, попадающиеся ему на глаза. Очевидно, посредством ряда последовательных измерений четырехугольника, охватывающих все возможные созерцания и производимых по простым, твердым и определенным правилам.

Рисование, если оно должно содействовать цели обучения, а именно выработке четких понятий, тесно связано с измерением форм. Прежде чем ребенок, которому предлагают какой-нибудь предмет для рисования, не представит себе его пропорции в целом и не сумеет словами обрисовать предмет, он никогда не достигнет того, чтобы это искусство, каким ему следует быть, всегда было действительным средством переходить от смутных чувственных восприятий к четким понятиям, чтобы во всем процессе образования оно гармонически сочеталось с великой его целью и представляло для ребенка реальную ценность, которую это искусство должно и действительно может иметь для него.

Искусство рисования надо подчинить искусству измерения, а подразделение на углы и дуги, получающиеся из первоначальной формы четырехугольника, а также прямолинейные части четырехугольника надо стремиться сделать определенными измеряемыми формами. Это имело место, и я полагаю, что получил ряд таких измеряемых форм, пользование которыми облегчает ребенку изучение всех измерений и пропорции всех форм делает для него понятными в той мере, в какой

азбука звуков облегчает ему изучение языка.

Эта азбука созерцания представляет собой подразделение равноугольного четырехугольника на определенные единообразные измеряемые формы и особенно требует точного знания их первоисточника — прямых линий в их горизонтальном и вертикальном положениях. Подразделение четырехугольника прямыми линиями создает точные формы для определения и измерения всех углов, а также круга и всех дуг, что в целом я называю азбукой созерцания.

Ребенку это сообщается следующим образом: ему показывают свойства прямой линии в ее изолированном, самостоятельном положении, в ее разнообразных положениях в различных произвольных направлениях и объясняют до полного понимания разнообразные виды прямой линии, не учитывая цель применения ее в дальнейшем. Затем прямые линии начинают называть горизонтальными, перпендикулярными, наклонными; наклонные сначала восходящими и нисходящими, затем — восходящими и нисходящими справа и слева; затем различным видам параллельных линий дают название горизонтальных, перпендикулярных, наклонных параллельных линий. Затем определяют названия главных углов, образовавшихся из соединения этих известных детям линий, называя их прямыми, острыми и тупыми. Таким же образом детей знакомят (а затем учат называть) с основой всех форм измерения — равноугольным четырехугольником, образовавшимся при соединении двух углов, с его делением на половину, четверть, шестую и т. д.; затем с кругом и отклонениями от него в сторону различных продольно сужающихся форм и частями этих форм.

Все эти определения даются ребенку единственно как результаты его глазомера, а названия измеряемых форм в этом курсе даны только следующие: равноугольный четырехугольник, горизонтальный четырехугольник и перпендикулярный четырехугольник (или прямоугольник); дугобразные линии; круг, полукруг, четверть круга, овал, полуовал, четверть овала, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й овал и т. д.; детей надо научить применению этих форм в качестве средств для измерения и познакомить с природой отношений, из которых эти формы произошли. Для достижения этого прежде всего необходимо:

1. Побудить ребенка к тому, чтобы он знал отношения этих геометрических форм и умел называть их.

2. Научить его самостоятельно применять их и пользоваться ими. Для этой цели ребенку показывают разнообразные предметы — то четырехугольные, то круглые, то овальные, то широкие, то длинные, то узкие. Вскоре после этого ему показывают разделы самой азбуки созерцания на разрезанных картах в виде четверти, восьмой, шестой частей четырехугольника и т. д.; затем вновь в виде круга, половины и четверти круга, овала, половины и четверти овала. Тем самым в ребенке заранее пробуждается смутное представление о четких понятиях, которые позднее должны быть развиты в нем путем обучения и упражнения в применении этих форм; к последнему дети подготавливаются уже «Книгой матерей», в которой, с одной стороны, даются начатки определенного языка, обозначающего эти формы, а с другой — также начатки счета, которые должны предшествовать измерению. Сама азбука созерцания подготавливает детей к этой цели, так как смутно созданные ими уже в «Книге матерей» средства добиться этого умения — язык и число — в этой азбуке применяются для определенной цели — для измерения; и благодаря этому дети чувствуют себя способными в любой форме с полной определенностью выразить число и меру.

3. Третьим средством, ведущим к этой цели, является срисовывание формы, благодаря чему в сочетании с двумя другими средствами детям постепенно могут быть не только даны, четкие понятия о каждой форме, но в них может быть развита также определенная способность правильно работать над формой. ...

Благодаря знакомству с подобными определенными формами развившаяся таким путем способность к измерению возвышает мою неустойчивую природную способность к созерцанию до степени выработанного умения, подчиненного определенным правилам; отсюда происходит подлинная способность определять отношения всех форм, которую я и называю искусством созерцания. Это новое искусство, которое должно было бы предшествовать старым, привычным понятиям об искусстве, выработанным культурой нашего времени об искусстве в качестве их общей и необходимой основы. Благодаря этому искусству каждый ребенок самым простым образом становится способным верно судить о каждом предмете в природе по его внешним пропорциям и по его отношению к другим предметам, а также становится способным определенно высказать свое суждение об этом предмете.

Посредством этого руководства ребенок доходит до того, что, рассматривая какую-нибудь фигуру, в состоянии точно определить не только отношение высоты к ширине, но и степень каждого отдельного отклонения формы фигуры от равностороннего четырехугольника к кривизне или дуге; ребенок в состоянии также называть это отклонение так, как оно обозначено в нашей азбуке созерцания. Средства для выработки у ребенка этой способности содержатся в самом искусстве измерения; в дальнейшем она еще больше развивается в нем при помощи искусства черчения, в особенности линейного. В итоге ребенок приобретает беглость и своего рода навык в определенных формах измерения предметов. Это дает ему возможность по завершении первоначальных упражнений даже при измерении сложных предметов не иметь их, как прежде, перед глазами. Ребенок будет в состоянии правильно представлять себе предметы и с определенностью высказываться о них только на основе представления о соотношении их частей.

Невозможно выразить, каких результатов может добиться каждый, даже слабый, ребенок в результате развития этой способности. Я учил детей согласно этим принципам, и моя теория есть не что иное, как результат моего опыта, имеющего здесь решающее значение.

Искусство рисовать заключается в способности представить себе путем созерцания над предметом его очертания и свойственные ему отличительные признаки в виде линий и правильно их воспроизвести. Овладение этим искусством чрезвычайно облегчается благодаря новому методу, так как теперь оно во всех своих частях представляется лишь легким применением тех форм, которые ребенок не только мог наблюдать, но благодаря упражнениям в их срисовывании мог подняться до действительного умения измерять.

Это происходит таким образом: как только ребенок правильно нарисует горизонтальную линию, которой начинается азбука созерцания, для него из хаоса всех созерцаний извлекают фигуры, очертания которых представляют собой не что иное, как применение привычной ему горизонтальной линии, или требуют лишь незаметного отклонения от нее.

Так переходят к перпендикулярной линии, затем к прямому углу и т. д.; по мере того как у ребенка развивается умение применять эти формы, постепенно отклоняются от них в тех фигурах, где эти формы применяются. Влияние этих мероприятий, соответствующих существу физико-механических законов, на искусство рисования не меньше, чем влияние азбуки созерцания на способность детей к измерению.

Так как дети при таком руководстве ими даже самые первоначальные рисунки доводят до совершенства, прежде чем пойти дальше, то у них уже при первых шагах в области этого искусства развивается сознание тех последствий, которые возникают при полном развитии их способностей. Вместе с этим сознанием у них возникает стремление к совершенству и упорство в достижении цели.

Основой успехов детей, пользующихся в этом отношении лучшим руководством,

являются не только их руки; она заложена в самых глубоких силах человеческой природы, а книги, обучающие применению измеряемых форм, дают затем в руки детей ряд средств, благодаря которым это стремление, будучи использованным с учетом психологии и в пределах физико-механических законов, постепенно поднимает детей до степени совершенства, о которой мы уже говорили, а именно — дальнейшее созерцание геометрических линий постепенно становится для них совершенно излишним и от вспомогательных средств для них не остается ничего, кроме самого этого искусства.

Искусство письма. Сама природа подчиняет это искусство рисованию и всем средствам, при помощи которых оно должно в детях развиваться и доводиться до совершенства, следовательно, в основном и прежде всего искусству измерения.

К обучению искусству письма можно приступать и проводить его даже с меньшим, чем для самого рисования, предварительным опытом в вычерчивании геометрических линий; не только потому, что искусство письма, собственно, является родом линейного черчения и не терпит произвольных отклонений от определенного направления своих форм; но в основном и потому, что, когда ребенок овладевает им до рисования, письмо неизбежно испортит ему руку для рисования, приурочив ее к применению отдельных форм, прежде чем в достаточной мере и основательно разовьется ее гибкость для всех форм, что, по существу, необходимо для рисования. Рисование должно предшествовать обучению письму тем более и потому, что этим ребенку весьма облегчается правильное изображение букв и он избегает большой потери времени, необходимого для того, чтобы отучиться от кривых и неправильных форм, к которым он годами привыкал. Напротив, ребенок получает от этого существенную пользу для всего своего образования, поскольку при первых же шагах в этом искусстве он осознает в себе силу для завершения обучения и благодаря этому уже в первый момент обучения письму развивает в себе желание не примешивать ничего неопределенного, неправильного и незавершенного к первым своим шагам на пути к совершенству в этом искусстве, отмеченном известной степенью правильности, определенности и завершенности.

Даже очень неопытная мать, следуя этому методу, в состоянии научить своих детей до известной степени правильно и красиво писать, хотя сами они до того не умели этого делать. Но и здесь, как и всегда, основная цель моего метода имеет в виду сделать возможным домашнее обучение для заброшенного народа и посредством этого метода постепенно подготовить каждую мать, сердце которой преисполнено любовью к ее ребенку, к тому, чтобы она могла до конца самостоятельно следовать за моими элементарными упражнениями и проделывать их с детьми. Чтобы этого достигнуть, ей, во всяком случае, достаточно только на одну небольшую ступень быть выше, чем самим детям.

Обучение письму является также своего рода обучением языку. По своему существу оно является не чем иным, как своеобразным и специальным упражнением в этом искусстве.

При применении моего метода письмо в качестве формы находится в сочетании с измерением и рисованием, и в этом сочетании оно пользуется всеми преимуществами, обусловленными более ранним развитием этих выработанных [в процессе обучения] способностей.

Польза от упражнений в письме, расположенных таким образом и связанных с упражнениями для обучения языку, в основном заключается в следующем:

1. Они все больше закрепляют усвоенные ребенком грамматические навыки и делают их основы неизгладимыми в сознании ребенка.

Иначе и быть не может, так как согласно книге для чтения, в которой существительные, прилагательные, глаголы, союзы и т. д. расположены отдельными рядами друг за другом, ребенок приучен расставлять эти слова по рядам и

благодаря этому добивается твердого навыка в отношении того, к какому ряду относится каждое встречающееся ему слово; таким образом, он сам вырабатывает для каждого из этих рядов правила, которые к ним применимы.

2. Точно так же ребенок, следуя указаниям моего метода, укрепляет в себе способность добиваться с помощью языка четких понятий, так как в качестве упражнений в письме он может расположить свой словарь по рядам, в соответствии с рубриками и отличительными знаками подразделов, и, таким образом, сделать для себя систематический обзор всех предметов по отдельным их видам.

3. Ребенок совершенствует средства для постепенного достижения четких понятий с помощью упражнений в письме не только тем, что при обучении письму он, как и при обучении языку, группирует важные существительные, глаголы и прилагательные, уясняя себе при этом их значение, но и тем, что этими упражнениями развивает в себе способность находить и прибавлять полученные в результате собственного опыта понятия к рядам, основное содержание которых он усвоил, когда учился говорить. Так, при упражнениях в письме он не только добавляет то, что по книге для чтения научился считать высоким и островерхим, но, побуждаемый к тому и самим заданием, упражняется в обдумывании того, что может быть прибавлено из предметов этой формы, известных ему из собственного опыта.

Результаты этих упражнений очень велики: выученные детьми наизусть описания таких предметов и состояний, как колокол, идти, стоять, лежать, глаз, ухо и т. д., в итоге упражнений становятся для них определенным и общим руководством во всех случаях, когда им надо устно или письменно дать определение всему тому, форма и содержание чего им стали известны. Но само собой разумеется, что этот результат может быть достигнут не посредством отдельного упражнения в письме, а путем сочетания его с рядом тех средств, при помощи которых метод приводит своих питомцев к ясности понятий. Так же следует понимать и весь ход такого обучения, когда я говорю, что обучение письму следует доводить не только до искусства, но и до уровня профессионального мастерства, иными словами, чтобы ребенок приобрел таким образом умение выражать свои мысли в письменной форме так же легко, как и в устной.

Письмо восьмое

Третьим элементарным средством нашего познания является число.

Арифметика является лишь простым следствием развития основной способности, благодаря которой мы в состоянии ясно представить самим себе отношение больше — меньше, а также с самой четкой определенностью увеличение этого отношения до бесконечности.

Арифметика целиком возникает из простого соединения и разъединения нескольких единиц. Его первоначальная форма, как уже сказано, по существу следующая: один да один — два, от двух отнять один — остается один. И каждое число всегда означает само по себе не что иное, как сокращенный способ выражения этой основной первоначальной формы счета. Однако важно, чтобы осознание первоначальной формы числовых отношений не устранилось в человеческом уме сокращенным способом выражения, даваемым самой арифметикой.

Если мы, например, только наизусть выучим, что три плюс четыре составляет семь, а затем будем основываться на этих семи, словно бы в действительности знали, что три плюс четыре составляет семь, мы обманули бы себя самих, так как внутренняя правда этих семи не в нас.

Свои старания вызвать в детях твердое представление об отношениях чисел как о действительно реальных изменениях — увеличении и уменьшении, которые происходят в предметах, находящихся у них перед глазами, я начинал уже с «Книги матерей». Первые таблицы этой книги содержат ряд предметов, наглядно

показывающих ребенку понятия один, два, три и так далее до десяти. Я заставляю детей отыскивать в этих таблицах предметы, обозначенные как единичные, затем двойные, тройные и т. д. Затем заставляю их вновь отыскивать эти отношения на пальцах или с помощью горошинок, камушков или других предметов, имеющихся под рукой; ежедневно много раз освежаю знание этих отношений тем, что при легком разделении слов на слоги и буквы, возможном при помощи таблицы слогов, каждый раз задаю вопрос: «Сколько слогов в слове? Как называется первый? Второй? Третий? и т. д.». Таким образом, первоначальная форма всякого счета глубоко запечатлевается детьми, и для них становятся привычными с полным сознанием их внутренней правды средства, служащие для сокращения счета, то есть числа. Было бы хуже, если бы дети сделали успехи в применении их, не имея перед глазами оснований для созерцания.

После применения указанных средств мы используем для вычисления таблицу слогов. На ней мы устанавливаем каждую табличку в качестве одной единицы, и в то же время, когда дети знакомятся с буквами, мы начинаем им объяснять также числовые отношения. Мы ставим одну табличку отдельно и спрашиваем ребенка: «Много здесь табличек?» Ребенок отвечает: «Нет, только одна». Затем мы добавляем еще одну и спрашиваем: «Одна и одна — сколько это?» Ребенок отвечает: «Одна и одна — это две». Так продолжается дальше — с прибавлением сначала только одной единицы, затем двух, трех и т. д. Когда ребенок хорошо усвоил сложение единицы с единицей от единицы до десяти и ему стало совсем легко выражать это, мы так же, как и раньше, ставим буквенные таблички на доску, но изменяем теперь вопрос: «Если у тебя есть две таблички, то сколько раз ты имеешь по одной?» Ребенок видит, считает и правильно отвечает: «Если у меня есть две таблички, то я имею два раза по одной табличке». Когда благодаря точному и часто повторяемому счету отнимаемых частей ребенок четко усвоит, сколько единиц содержится в первых числах, вопрос снова изменяют и, устанавливая по-прежнему таблички, спрашивают: «Сколько раз по одному составляют два? Сколько раз по одному составят три?» и т. д., — а затем снова: «Сколько раз один содержится в двух, в трех?» и т. д.

Тогда только, когда ребенок ознакомился с простыми начальными формами сложения, умножения и деления и благодаря наглядности полностью усвоил сущность этих арифметических форм, его при помощи наглядного метода стараются так же ознакомить с начальными формами вычитания и развивают навыки в этом действии. Для этого, сосчитав десять табличек, отнимают одну и спрашивают - «Если ты от десяти отнимешь один, сколько останется?» Ребенок считает, находит девять и отвечает: «Если я один отниму от десяти, останется еще девять». Затем отнимают вторую табличку и спрашивают: «Один отнять от девяти — сколько это будет?» Ребята снова считают, находят восемь и отвечают: «Один отнять от девяти — будет восемь». Так продолжают до конца.

Как только закончится сложение каждого ряда, в таком же соотношении производится вычитание отдельных чисел, а именно: если, например, произведено сложение такого порядка — 1 и 2 есть 3, 3 и 2 есть 5, 5 и 2 есть 7 и так до 21, — то снова отнимают две таблички и спрашивают: «2 отнять от 21 — сколько будет?» — и так продолжают, пока ничего не останется.

Когда же ребенок настолько привыкнет к вычислениям с реальными предметами и заменяющими их точками или черточками, то понимание им действительных числовых соотношений настолько усиливается, что и сокращенные способы их выражения посредством обыкновенных чисел, лишенных наглядности, становятся для него невероятно легкими, потому что его умственные силы в отношении вычисления теперь далеки от беспорядочности, несовершенства и игры в отгадывание.

Но так как увеличение или уменьшение количества предметов заключается не только в наличии большего или меньшего количества единиц, но и в разделении единиц на несколько частей, то возникает вторая форма вычисления, или, вернее, открывается путь, на котором каждая отдельная единица может быть сделана основанием для бесконечного ее разделения и бесконечного отнятия заключенных в ней единиц.

Так же как и при первом способе вычисления, то есть при увеличении и уменьшении на целые единицы, число один должно рассматриваться как исходный пункт всякого вычисления и как основа искусства созерцания со всеми его разновидностями, таким же образом при второй форме вычисления должна быть найдена фигура, занимающая в этой форме вычисления то же место, что и число один при первом способе. Необходимо найти фигуру, которая может делиться до бесконечности и во всех своих частях всегда подобна самой себе. Эта фигура должна наглядно показывать части дробного деления до бесконечности как часть целого или как самостоятельные неделимые единицы, чтобы каждое отношение дроби к целому показалось ребенку столь точным и измеренным, как при нашем методе в действиях над целыми числами ребенку ясно видно, что число один три раза содержится в числе три.

Это в состоянии выполнить равносторонний четырехугольник. На нем мы наглядно можем показать ребенку отношение частей целого, или дробей, в их последовательности начиная с общего отправного пункта всякого увеличения и уменьшения — с числа один, как наглядно представили ему уже увеличение и уменьшение целых единиц. Мы заготовили наглядную таблицу дробей, содержащую 11 рядов, каждый из которых состоит из 10 четырехугольников.

Четырехугольники первого ряда не разделены, второго — разделены на две равные части, третьего — на три и так далее до десяти. За этой просто разделенной таблицей следует вторая, в которой эти простые наглядные деления продолжаются в следующей прогрессии: четырехугольники, разделенные в первой таблице на две равные части, теперь делятся на 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20 частей, четырехугольники следующего ряда — на 3, 6, 9, 12 и т. д.

Так как азбука созерцания состоит из измеряемых форм, в основу которых положено десятичное подразделение равностороннего четырехугольника, то очевидно, что тем самым мы и в основу азбуки вычисления положили общий источник азбуки созерцания — равносторонний четырехугольник; вернее сказать, мы привели элементарные средства формы и числа в такое соответствие между собой, что наши измеряемые формы могут быть использованы в качестве главной основы числовых соотношений, а основы числовых соотношений — в качестве главных основ измеряемых форм.

Таким путем мы достигли того, что не можем учить детей вычислению по нашему методу, не применяя именно ту азбуку, которую мы вначале применяли только как азбуку созерцания в более узком смысле, то есть как основу измерения, письма и рисования. Применение этих таблиц настолько способствует пониманию ребенком действительных реальных соотношений всех дробей, что для него становятся исключительно легкими как упражнения в дробном счете с простыми числами, так и действия с целыми числами. Опыт показывает, что при этом методе дети приобретают навыки в этих упражнениях на три-четыре года раньше, чем было возможно без этих средств. Кроме того, эти упражнения, как и предыдущие, дают возможность ребенку избежать путаницы, пробелов, игры в отгадывание. Можно с определенностью сказать, что у детей, которые производят эти упражнения, умение вычислять приводит благодаря своей четкости к истине и готовности эту истину воспринимать.

Письмо девятое

Образование в нашей части света в том виде, как оно теперь публично и повсюду дается народу, совершенно не признает созерцание высшим принципом обучения; что оно не знает о первоначальной форме, в пределах которой развитие рода человеческого определяется существом самой нашей природы; что оно, точнее говоря, сущность всего учения приносит в жертву хаосу изолированных частных учений и, давая людям различного рода отрывочные истины, убивает дух самой истины, гасит в людях самостоятельность, которая базируется на ней.

Я видел, и для меня было ясно, что это обучение не основывает своих отдельных средств ни на элементарных принципах, ни на элементарных формах, что оно, скорее, пренебрегая созерцанием как абсолютной основой всякого познания, само себя лишает возможности достичь цели обучения — получения четких понятий — либо возвысить до степени безусловной необходимости те ограниченные результаты, которых оно само добивается.

Это состояние, в котором в отношении образования в Европе находятся по меньшей мере десять человек против одного, а также уровень обучения, которым они пользуются, при первом взгляде на этот предмет кажутся невероятными. Однако это исторически верно.

Это — пагубное для человеческого духа несоответствие между преимуществами высшего образования и жалким уровнем низшего. Реформация, не нанеся достаточно сильный удар неприкрытой глупости монашеско-феодалного мира, еще развязала этому миру язык в отношении отвлеченных понятий. Из-за этого мир еще больше погряз в буквоедстве и дошел до того, что развитие истины, любви и веры не только не уничтожило заблуждений этого порядка, но, наоборот, они еще усилились благодаря более опасным заблуждениям — неверию, эгоизму и бесправью, между тем как они, казалось бы, должны были исчезнуть.

Через столетия оно привело нас к окончательному превращению науки в болтологию, а через это — к болтологии неверия. Глубокая испорченность, которая свойственна этому состоянию, обусловленному увлечением словами и беспочвенными мечтами, ни в каком случае неспособна привести нас к безмятежной мудрости веры и любви, а, напротив, ведет к болтологии мнимой веры, суеверию и их следствию — эгоизму и ожесточению.

Всепоглощающее буквоедство и односторонняя книжность нашей современной культуры дошли до того, что мы совершенно лишили чувственной основы средства познания и обучения, а самих себя — всякой способности наблюдать, усматривать и понимать.

Даже лучшие из этих средств — всевозможные арифметические, математические и грамматические пособия — при этих обстоятельствах должны были потерять свою силу, потому что они целиком были лишены необходимой основы всякого обучения — созерцания. Таким образом, и эти средства обучения слову, числу и форме, недостаточно подчиненные общей основе познания — созерцанию, — неизбежно должны были заставить наших современников поверхностно, бесцельно и односторонне изощряться в применении этих средств обучения и этими ухищрениями ослаблять свои внутренние силы, вместо того чтобы укреплять и развивать их. Благодаря тем же силам и тому же механизму, с помощью которого искусство обучения, основанное на природе, может возвысить нас до познания истины и мудрости, нас насильно унизили до лжи и глупости и заклеили жалкими, бессильными, лишенными способности созерцания пустобрехами и болтунами.

Даже познания, почерпнутые нами из созерцаний, связанных с нашим положением и профессией, которые, несмотря на всю глупость нашего поведения, еще ухудшившегося из-за искусственности [обучения], все же сохранились у нас, потому что никакие заблуждения в искусстве обучения никогда не в состоянии

полностью отнять эти познания у людей, — даже эти познания оказались в нас изолированными и тем самым односторонними, призрачными, эгоистичными, бесчувственными. Мы должны были стать (и не могли при таком руководстве не стать) невосприимчивыми ко всякой истине, лежавшей за пределами нашего чувственно ограниченного созерцания, и возмущаться всем, что противилось этому одностороннему, эгоистичному способу созерцания; нам пришлось (в этом положении мы не могли иначе) из поколения в поколение все глубже погрязать в неестественности нашей ограниченности и вытекающих из нее бесчувственности, эгоизме, несправедливых насильственных действиях; такими мы в настоящее время и являемся.

Я утверждаю, что пробелы в европейском образовании, или, вернее, искусственная постановка с ног на голову всех естественных взглядов на образование, привели Европу к тому уровню, на котором она сейчас находится. И что нет никаких средств против уже произошедших и еще ожидаемых общественных, нравственных и религиозных переворотов, кроме поворота нашего народного образования, которому свойственны поверхностность, бессистемность и сумасбродство, к признанию того, что *чувственное восприятие является безусловной основой всякого познания, — другими словами, что всякое познание должно исходить из чувственного восприятия и иметь возможность возвращаться к нему.*

Письмо десятое

Созерцание, поскольку оно рассматривается как пункт, из которого исходит обучение, необходимо отличать от искусства созерцания, которое является учением об отношениях всех форм. Как общая основа всех трех элементарных средств обучения, созерцание намного опережает искусство созерцания, так же как изучение арифметики и языка. Если созерцание в противоположность искусству созерцания рассматривать отдельно и само по себе, оно является не чем иным, как простым нахождением внешних предметов перед нашими чувствами и простым возбуждением в нашем сознании производимого ими впечатления.

С того мгновения, когда мать берет дитя на руки, она учит его, делая доступным его органам то, что природа предлагает ему в рассеянном виде, на большом расстоянии и беспорядочно, и делая для него легким, приятным и привлекательным самый процесс созерцания, а следовательно, и зависящее от него знание.

Бессильная, необразованная, следуя за природой без руководства и помощи, мать в своем неведении даже, не сознает, что делает. Она не хочет учить ребенка, она хочет его только успокоить, она хочет его занять, но, несмотря на это, она во всей своей чистой простоте следует высокому ходу природы, не зная, что это делает природа посредством нее. Ведь природа посредством нее делает очень многое — она таким образом открывает ребенку мир, она готовит его к пользованию чувствами, к раннему развитию внимания и способности созерцания.

Если бы люди в настоящий момент использовали этот высокий ход природы и связали с ним то, что можно связать с ним; если бы материнскому сердцу мудро и по собственной воле позволили с помощью обучения продолжить для подрастающего ребенка то, что оно, побуждаемое слепым природным инстинктом, делает для младенца; если бы для этой цели использовали также сердце и положение отца, с помощью обучения позволили бы и ему развить в ребенке в соответствии с его положением и обстоятельствами все умения, необходимые для того, чтобы путем хорошего выполнения важнейших для него дел всю жизнь прожить, испытывая внутреннее удовлетворение самим собою, — как тогда легко было бы многим, очень многим помочь человеческому роду и каждому человеку в отдельности в любом положении возвыситься до того, чтобы даже при затруднениях, вызванных неблагоприятными условиями, при всяких бедствиях неблагоприятного времени

обеспечить себе тихую, спокойную и удовлетворяющую человека жизнь.

После того как в «Книге матерей» я дал возможность ребенку наблюдать предметы со всех сторон и познакомил его с названиями этих предметов, в отношении первого элементарного средства познания — формы — я веду ребенка вышеописанным путем к азбуке созерцания.

Благодаря ей ребенок должен научиться отдавать себе отчет в форме предметов, о которых он получил в «Книге матерей» общее, но еще недостаточно четкое представление. Эта книга должна дать ребенку возможность выработать определенные понятия об отношении формы всех предметов к равносоставленному четырехугольнику и таким образом найти во всем этом отделе [касающемся формы предметов] ряд расположенных в определенной последовательности средств, помогающих ему подняться от смутных чувственных восприятий к четким понятиям.

В отношении второго первоначального средства нашего познания — числа — я иду тем же путем. Добившись уже в «Книге матерей» возможности полного осознания ребенком еще в младенческом возрасте первых десяти чисел, я путем постепенного прибавления одной единицы к другой в отношении всех вещей пытаюсь познакомить его с выражениями больше и меньше, то есть с природой двух, потом трех и т. д. Значит, я сперва делаю для детей совершенно ясными и наглядными начальные моменты всех видов вычисления и одновременно заставляю их твердо запоминать выражения, которыми обозначается их форма; основы арифметики я вообще даю в последовательных рядах, которые с самого начала представляют собой не что иное, как психологически верный и непрерывный переход от глубоко усвоенных суждений, основанных на созерцании, к небольшому добавлению нового созерцания, возрастающего только от 1 к 2 и от 2 к 3. Подтвержденный опытом результат этого приема заключается в том, что, когда дети хорошо поняли основы какого-либо вида вычисления, они в состоянии с этого момента идти таким же образом вперед без дальнейшей помощи и продолжать до тех пор, пока это требует сам ряд по своей природе.

В отношении моего метода обучения следует вообще заметить, что он настолько дает возможность разъяснить детям основы какого-либо раздела, что они должны в полной мере усвоить на каждой ступени обучения все то, что в данном случае в состоянии усвоить; так что в той мере, в какой они продвинулись вперед, их следует рассматривать и использовать в качестве учителей их младших братьев и сестер.

Третье первоначальное средство познания — язык — в отношении применения моих принципов является наиболее растяжимым.

Знание формы и числа должно предшествовать знанию языка и это последнее отчасти должно проистекать из первых двух. Успех в изучении языка достигается быстрее, чем в искусстве созерцания и арифметики. Собственно, впечатление от созерцания формы и числа предшествует способности говорить; напротив, искусства созерцания и арифметики следуют за искусством говорить.

Обучение языку по своей природе есть не что иное, как собрание психологических средств для выражения своих впечатлений (ощущений и мыслей), с тем чтобы эти впечатления, обычно мимолетные и неосознанные, будучи связанными со словом (при всех их изменениях), становились постоянными и осознанными. Это значит, что всякое обучение языку должно исходить из созерцания; благодаря искусству созерцания и арифметике обучение должно вытеснить мимику, заменить подражание звукам мертвой и живой природы рядом искусственных звуков; затем оно должно от изучения звука, или, вернее, от упражнения органов речи в произнесении всех свойственных человеку звуков, постепенно перейти к изучению слова, к номенклатуре, а затем к изучению речи — к грамматическому изменению и составлению слов.

Обучение звукам я расширил до крайних пределов, придерживаясь гласных,

выделяя их как собственно основу всех звуков и постепенно прибавляя к гласным отдельные согласные спереди и сзади; благодаря этому я сделал возможным прочное усвоение многочисленных звуков в их последовательности даже для грудного ребенка. Я сделал даже возможным, чтобы у ребенка при этом обучении внутреннее созерцание предшествовало внешнему, в процессе которого перед его глазами предстают произвольные обозначения звуков, так как слуховому впечатлению я обеспечил преимущество перед зрительным.

Когда дети хорошо научились складыванию слогов, я перехожу к изучению слов, к номенклатуре, и в первой книге для чтения, словаре, даю ребенку слова снова рядами, что благодаря максимальному сходству их формы делает успех в обучении чтению легчайшей игрой, так как я эти слова составляю путем все нового прибавления нескольких незнакомых слогов к предыдущим, хорошо усвоенным и бегло произносимым слогам. При этом «Книга матерей» кладет в основу обучения ребенка речи и в основу пояснения слов, которые он должен произносить, самое разностороннее созерцание.

Громадный круг основанных на созерцании знаний, с которым природа знакомит ребенка в самом раннем возрасте, расположен и сконцентрирован в этой книге так, как того требуют психология и великий закон природы, согласно которому нечто более близкое всегда усваивается ребенком лучше, чем более далекое. Этот круг знаний связывается здесь со столь важным для обучения принципом, а именно: добиваться того, чтобы сущность вещей производила на детей значительно большее впечатление, чем их изменяющиеся качества. Огромная область языка и познаний, основанных на созерцании, становится в этой книге легко обозримой для ребенка благодаря концентрации и правильному с точки зрения психологии расположению предметов. Только отдельные предметы в природе бесчисленны, несущественные различия их незначительны, а поэтому предметы могут быть легко обозримы детьми, если они распределены согласно этим различиям.

Именно этим принципам я и подчиняю собственно учение о языке. Моя грамматика представляет не что иное, как ряд средств, которые должны позволить ребенку точно выразить все числовые и временные отношения любого предмета, знакомство с которым есть следствие созерцания, если ребенок в состоянии точно выразить одно какое-либо числовое или временное отношение этого предмета.

Эмпирические шаги, предпринятые мною в этом направлении, показали, что монашеское наше обучение, пренебрегая психологией, не только отдаляет нас во всех предметах от конечной цели обучения, но даже наверняка содействует лишению нас тех средств, которые для уяснения наших понятий дает нам сама природа и без помощи искусства обучения, и вследствие нашей внутренней испорченности делает для нас невозможным пользование этими средствами.

Я еще раз заявляю: вся масса наших общественных школ не только ничего не дает нам, а, напротив, гасит в нас то, что у человечества повсюду имеется и без школ и чем каждый дикарь обладает в такой степени, какой мы и представить себе этого не можем.

Человек, которого с помощью монашеского искусства воспитывают болтливым дураком, значительно меньше дикаря восприимчив к истине и менее кого-либо способен пользоваться руководством природы и тем, что она сама делает для уяснения наших понятий.

Должны быть устранены все учебники, в которых хотя бы одна строка предполагает в ребенке умение говорить, когда он еще не научился этому. Все учебники, содержащие слова, которые своими окончаниями, приставками, построением, а также всем строем имеющихся в них предложений и оборотов речи уже заранее предполагают полное знание языка, непригодны, следовательно, для того, чтобы вызвать в ребенке четкое понимание причин и средств, благодаря

которым эта полнота была достигнута.

Там, где основные силы человеческого духа оставляются спящими, а спящие силы заменяются словами, — там создаются мечтатели; мечтания их выглядят тем более неестественными и легкомысленными, чем напыщеннее и высокомернее были слова, которыми заполнено их жалкое, сонное существо.

Я хочу еще раз рассмотреть, какое влияние четкие понятия оказывают на развитие человечности. Ребенку представляются четкими лишь те понятия, к ясности которых ничего больше не может прибавить его личный опыт. Этот принцип, во-первых, устанавливает последовательность в развитии сил и способностей, необходимых для постепенного достижения ясности всех понятий; во-вторых, он устанавливает, в какой последовательности с детьми следует начинать и продолжать упражнения в определении предметов; и, наконец, — то время, когда определения всякого рода могут для ребенка содержать действительные истины.

Очевидно, что ясность понятий должна в ребенке вырабатываться путем обучения еще до того, как у него можно предположить способность понимать результаты этой ясности понятий, то есть четкое понятие, или, скорее, словесное его выражение.

Путь к достижению четких понятий лежит через постепенное, доступное детям уяснение всех предметов, четкого понимания которых от них добиваются. Организация же этого процесса в свою очередь основывается на объединении всех искусственных средств, при помощи которых дети получают возможность с определенностью высказываться о свойствах всех предметов, а преимущественно о величине, числе и форме каждого из них. Этим, а не иным путем ребенка можно привести к познанию сущности предмета во всем его объеме, а благодаря последнему — к способности определять предмет, то есть с величайшей определенностью и краткостью выразить словами сущность предмета во всем его объеме.

Все определения, то есть все случаи такого четкого изложения словами сущности какого-либо предмета, для ребенка лишь постольку содержат существенные истины, поскольку он живо и с большой ясностью осознал чувственную основу этих предметов. Когда же ребенку недостает полной ясности в восприятии чувственного предмета, определение которого ему было дано, он только приучается играть словами, обманывать себя самого и слепо доверять звукам, которые неспособны вызвать у него какого-либо иного понятия или иной мысли, кроме той, что он сам произнес какой-то звук.

Способность делать описания в значительной мере опережает способность давать определения.

Цель довести человека до четких понятий и до их последнего средства, определений, требует, чтобы на основе знания психологии и законов физического механизма этому последнему средству предшествовал ряд расположенных в непрерывной последовательности разнообразных картин физического мира. Это облегчит постепенный переход от созерцания отдельных предметов к их наименованиям, от наименований — к уяснению свойств, то есть способности описать их, а от нее — к способности разъяснить эти предметы, дать их определение (дефиницию). Разумное руководство созерцанием является, очевидно, начальным пунктом, от которого исходит этот ряд средств, ведущих к четким понятиям; также очевидно, что конечная цель всякого обучения — достижение четкости каждого понятия — в значительной мере зависит от полной силы его первого роста.

Превосходное средство предохранить человеческое развитие от беспорядочности, неполноты и поверхностности основывается, следовательно, главным образом на старании сделать для ребенка, насколько это возможно,

определенными, правильными и обширными первоначальными впечатлениями, полученными при первом восприятии самых важных предметов нашего познания. Уже у колыбели ребенка нужно стараться вырвать из рук слепой природы руководство человеческим родом и вручить его лучшей силе, которая научила нас обобщать опыт тысячелетий в отношении сущности и вечных законов этой природы.

Ты должен по существу отличать законы природы от ее хода, то есть от отдельных действий и проявления этих действий. В отношении своих законов природа является вечной истиной и для нас постоянным руководством к достижению истины. Что касается изменений, которые имеют место при применении ее законов к каждому индивидууму и каждому индивидуальному случаю, то ее предоставленная самой себе истина недостаточна для людей и не удовлетворяет их. Реальная правда, продиктованная положением и обстоятельствами каждого индивидуума и индивидуального случая, претендует на право быть такой же необходимой, как и общие законы человеческой природы. Следовательно, притязания тех и других законов на необходимость должны быть согласованы между собой, если они должны оказывать положительное действие на род человеческий. Случайное и своим существованием, и по своим следствиям так же необходимо, как и вечное и неизменное.

Чтобы кратчайшим путем привести своего ребенка к цели обучения, четким понятиям, ты с большой тщательностью должен отобрать для показа ему в каждой отрасли знания такие предметы, которые явно и в полной мере обладают самыми существенными признаками той отрасли, к которой относится данный предмет, и тем самым особенно пригодны для того, чтобы обратить внимание ребенка на сущность предмета в отличие от его изменчивых свойств. Если же ты это упустишь, то вынудишь ребенка при первом взгляде на предмет рассматривать его изменчивые свойства как существенные; таким образом ты заставишь его по меньшей мере опоздать в познании истины и сбиться с кратчайшего пути, позволяющего в каждой отрасли знания перейти от смутных чувственных восприятий к четким понятиям. Если же ты в своем методе обучения избежишь этой ошибки и с самого начала предоставишь ребенку для созерцания предметы во всех разделах обучения в такой последовательности, чтобы впечатление от существа каждого предмета уже при первых созерцаниях над ним преобладало над впечатлением от его свойств, то ребенок начиная уже с этого первого впечатления научится подчинять изменчивое в предмете его сущности и бесспорно выйдет на верный путь, на котором с каждым днем будет развиваться его способность с большой простотой связывать все случайные качества предметов с глубоким знанием их сущности и внутренней истины и, таким образом, читать во всей природе, как в открытой книге.

Предоставленный самому себе, ребенок без всякого понимания заглядывает в мир и, запутавшись в отдельных, случайно приобретенных обрывках знаний, день ото дня спускается от заблуждения к заблуждению. Напротив, ребенок, которого с колыбели ведут вышеуказанным путем, день ото дня подымается от истины к истине. Все существующее или по меньшей мере весь круг его опыта целиком и начисто связывается с его внутренней силой.

Письмо одиннадцатое

Руководство, ведущее к достижению цели обучения, которое я до сих пор принимал во внимание, все же является только утончением чувственного хода природы для достижения моей цели. Однако к ней может вести еще более высокое средство, еще большее завершение этого утонченного чувственного хода природы — это логическое мышление, развитие логического мышления. Моя природа в состоянии возвыситься до степени самой определенной истины все то, что в человеческом созерцании непостоянно; она в состоянии избавить созерцание от колебаний, вызванных его чувственным характером, и претворить его в дело моей

высшей способности — в дело разума.

В качестве средства для развития во всем их объеме наших сил и задатков мой метод не содержит учение об истинах, а является обучением истине; он не борец против заблуждений, а представляет собой духовное развитие нравственных и умственных сил, которые противостоят заблуждениям; он развивает способность распознавать истину и заблуждение. Сущность его стремлений состоит единственно в том, чтобы обеспечить правильное с точки зрения психологии развитие этой способности и обеспечить его в той мере, как это необходимо.

Обучение должно вести к развитию логического мышления.

Письмо двенадцатое

Пока человек достоин великой особенности человеческого рода — языка, пока он хранит ее в себе как могучее средство выражения и сохранения своего человеческого превосходства с чистым желанием посредством нее облагородить и очеловечить себя, до тех пор она остается великой святыней его природы. Но как только он больше не достоин этой особенности, как только он перестает хранить ее в себе самом как могучее средство выражения своего человеческого превосходства и использует ее без искреннего желания очеловечить себя, то для него она становится не чем иным, как чувственным средством обмана, которое применяет его животное чувство, и употребление этого средства постепенно приводит человека к потере человечности, к бесчеловечности и варварству. Эта особенность становится в руках человека главным, самым могущественным средством для порчи его нравственной и умственной природы, а тем самым первым и самым главным источником его семейных бед и гражданской несправедливости, жертвой которой он делает других, жертвой которой становится сам, что влечет за собой общественные преступления. В то же время он делает ее самой удобной ширмой для всей этой испорченности и всех этих преступлений.

У развращенного человека благодаря его языку возрастает его собственная порча. Благодаря ему бедствия бедствующих становятся еще больше, мрак заблуждений становится еще гуще, преступления злых заходят все дальше.

Это стоит в связи с растущей в огромных размерах потерей самостоятельности не только простым деревенским людом, но даже нашими так называемыми благородными, именитыми гражданами и людьми с положением, а также в связи со столь же возрастающим упадком нашего среднего сословия — этой всеми признанной первой и существенной опоры всякой истинной государственной силы и всякого истинного общественного благосостояния.

Может быть, самый ужасный подарок, сделанный нашему веку враждебным гением, — знания без навыков и убеждения без способности делать усилия и преодолевать, которые облегчают и делают возможной гармонию между нашей подлинной сущностью и жизнью.

Человек ради своих же желаний и потребностей должен знать и думать, но ради тех же потребностей и желаний он должен также уметь и действовать, причем первое с последним, а также последнее с первым находятся в такой неразрывной связи, что прекращение одного влечет за собой прекращение другого, и наоборот. Однако это никогда не может произойти, если навыки, без которых невозможно удовлетворение твоих потребностей и желаний, не будут развиты в тебе с тем же искусством и не приобретут той силы, которой отличаются твои взгляды на предметы твоих потребностей и твоих желаний. Развитие этих навыков основывается на тех же органических законах, которые кладутся в основу развития наших знаний.

Подобно тому как умственные и нравственные силы нуждаются для своего развития в соответствующих человеческой природе и расположенных в психологической последовательности средствах, так и развитие сил,

предшествующих этим умениям, основывается на механизме азбуки умений, то есть на общих правилах, следуя которым дети

Ударять, нести, кидать, толкать, тянуть, вращать, крутить, размахивать и т. п.— все это преимущественно самые простые проявления наших физических сил. Существенно различаясь между собой, они все вместе и каждое в отдельности составляют основу всех возможных, даже самых сложных, умений, на которых строятся профессии человека. Поэтому очевидно, что азбука умений должна начинаться с ранних, однако построенных в психологической последовательности упражнений в развитии этих умений в целом и каждого в отдельности. Эту азбуку упражнений суставов, естественно, надо объединить с азбукой упражнения чувств и со всеми предварительными механическими мыслительными упражнениями, с упражнениями в числе и форме, и согласовать с ними.

Конечно, постепенный переход от этих начальных упражнений к законченным умениям, то есть к выработке в его наивысшей степени внутреннего ритма, который обеспечивает нам возможность производить удары и толчки, взмахи и броски в сотнях вариантов и придает уверенность нашим рукам и ногам в совершении как противоположных, так и совпадающих движений, — все это в отношении народного образования является воздушными замками. Причина ясна: у нас имеются только школы, где обучают азбуке, письму, катехизису, а для того, о чем мы говорим, нужны школы для формирования: человека. Но такие школы ни в коем случае не должны служить существующему положению вещей, кумовству и несправедливости, которые охотно приноравливаются к этому бедственному положению, так же как не должны служить интересам знати, отстаивающей это жалкое существующее положение вещей.

Механизм умений вырабатывается совершенно так же, как механизм познания, и его основы в отношении твоего саморазвития, возможно, еще обширнее основ, из которых исходят твои познания. Чтобы суметь, ты, во всяком случае, должен делать; чтобы знать, ты можешь во многих случаях оставаться пассивным, тебе во многих случаях надо лишь видеть и слышать. Напротив, в отношении же своих умений ты не только являешься центром их развития; во многих случаях ты в то же время определяешь также внешнюю форму их применения, правда, в пределах, установленных для тебя законами физического механизма. Подобно тому как в бесконечном море мертвой природы положение, потребности и обстоятельства определяют специфику каждого отдельного вида, так и в бесконечном море живой природы, содействующей развитию твоих сил, положение, потребности и обстоятельства определяют особенности тех умений, в которых лично ты преимущественно нуждаешься.

В той же мере, в какой эти взгляды проливают свет на развитие наших умений, они это делают и в отношении того, как пользоваться этими развитыми умениями. Любое руководство, отвлекающее нас в отношении развития наших сил и умений от центрального пункта, в котором сосредоточивается забота каждого отдельного человека обо всем, что он обязан на протяжении всей своей жизни делать, переносить, о чем должен беспокоиться и хлопотать, — любое такое руководство, безусловно, мешает хорошему развитию человеческих сил. Безусловно, так же мешает и любое руководство в отношении применения наших способностей и навыков, если оно отклоняет нас от центрального пункта и в результате этого ослабляет или уничтожает специфические особенности необходимых нам умений, которые требуются от нас нашей личной деятельностью в определенных местных условиях, либо не располагает нас к ней, либо каким-либо образом делает нас неспособными к ней. На подобного рода руководство следует смотреть как на отступление от законов природы, противоречащее хорошему образованию людей, как на отказ от внутренней гармонии и гармоничных отношений с окружающими, следовательно, как на препятствие моему самообразованию, моей

профессиональной подготовке, развитию во мне чувства долга, как на обманчивое, угрожающее мне самому отвлечение от глубокой и искренней привязанности к настоящей истине, заключенной в моей индивидуальности и моих реальных отношениях.

Любой метод обучения и воспитания, а также любой образ жизни, любой способ применения в жизни наших развитых сил и задатков, несущий в себе самую такую дисгармонию между образованием и деятельностью, с одной стороны, и подлинной правдой нашего бытия, наших отношений и обязанностей — с другой, в еще большей степени должен возбуждать тревогу в каждом отце и в каждой матери, для которых очень важна жизненная уверенность детей. Ведь источники неизмеримого зла, причиняемого нашим, не имеющим почвы под ногами мнимым просвещением, и даже бедствий, вызванных нашей жалкой маскарадной революцией, следует искать преимущественно в такого рода заблуждениях, имевших место и в обучении, и в жизни, притом в равной мере в жизни обученного и необученного народа.

Таким образом, очевидна необходимость большей заботы о психологически правильном методе развития наших практических умений, так же как о психологически обоснованном руководстве для развития наших познавательных способностей. Как психологически обоснованное руководство для развития наших познавательных способностей должно строиться на азбуке созерцания и на этой основе поднимать ребенка до уровня в высшей степени четких понятий, так и для развития умений, на которых строится чувственная основа нашей добродетели, нужно найти азбуку развития этих сил. Следуя ей, необходимо добиться развития физической ловкости в проявлении сил и умений, которой требуют житейские обязанности людей и которую мы в известной мере должны считать помочами на время нашего обучения добродетели, пока наша чувственная природа, облагороженная благодаря этому руководству, не будет больше нуждаться в этих помочах. В этих целях и создается общая, подходящая для человеческого рода форма для выработки внешних умений, развитие которых является предпосылкой к тому, чтобы выполнить наши жизненные обязанности. Благодаря этой форме от вполне развитых умений переходят к признанию правил, подобно тому как при формировании воззрений от завершенных чувственных восприятий совершается переход к четким понятиям, а от них — к их словесному выражению — определениям.

Поэтому и получается, что в том случае, если определения опережают чувственные восприятия, люди становятся самонадеянными дураками; точно так же, если словесное учение о добродетели и вере опережает действительно живое восприятие самих их, человек приходит в деле добродетели и веры к подобным же заблуждениям. Бесспорно, что зазнайство, проявляющееся и в этих заблуждениях, ввиду внутренней нечистоплотности и непорядочности, лежащих в основе его, приводит постепенно даже добродетельного и верующего человека к обычным порокам.

Письмо тринадцатое

В какой связи находится сущность любви к Богу с теми принципами, которые я в общем признаю верными по отношению к развитию человеческого рода? Чувства любви, доверия, благодарности и способность послушания должны развиться во мне раньше, чем я смогу применить их по отношению к Богу. Я должен любить людей, должен доверять им, благодарить их, слушаться, прежде чем возвыситься до любви к Богу, до благодарности и послушания ему, до надежды на него, ибо, «кто не любит своего брата, которого он видит, как же будет он любить отца небесного, которого не видит?»

Как я дохожу до любви к людям, доверия к ним, благодарности и послушания им?

Как во мне появляются чувства, на которых, по существу, основываются любовь, благодарность и доверие к людям, а также способности, благодаря которым развивается человеческое послушание? И я нахожу, что они главным образом исходят из отношений между маленьким ребенком и его матерью.

Терпение развивается раньше послушания, ребенок становится послушным, собственно, благодаря терпению; первые проявления этой добродетели чисто пассивны, они возникают главным образом как следствие осознания суровой необходимости. Но и это развивается в ребенке, когда он, находясь на коленях у матери, вынужден ждать, пока она не откроет для него грудь, пока не даст ее ему. Затем в нем развивается активное послушание, а значительно позднее — действительное сознание, что для него это хорошо — слушаться матери.

Развитие человеческого рода исходит из сильного, непреодолимого стремления к удовлетворению чувственных потребностей. Материнская грудь успокаивает первую бурю чувственных желаний и вызывает любовь; вскоре после этого развивается страх, и рука матери унимает его; эти действия влекут за собой объединение чувства любви и доверия и развивают первые зародыши благодарности. Природа проявляет свое упорство в отношении бушующего ребенка: он бьет по дереву и камню — природа остается непреклонной, и ребенок не бьет больше по дереву и камню. Теперь мать упорствует в отношении его беспорядочных желаний; он неистовствует и кричит — она продолжает быть непреклонной, и он больше не кричит; он привыкает подчинять свою волю ее воле — развиваются первые зародыши терпения, зародыши послушания.

Послушание и любовь, благодарность и доверие в их единстве содействуют развитию первого зародыша совести — первой легкой тени чувства, что несправедливо неистовствовать против любящей матери; первой легкой тени чувства, что мать существует на свете не только ради него; первой тени сознания, что не все на свете существует только ради него. Одновременно с этим у ребенка возникает и другое сознание, что и он сам живет на свете не только ради себя одного, — начинает зарождаться первая тень долга и справедливости.

Первое зарождение любви, благодарности, доверия и послушания было простым следствием совпадения инстинктивных чувств матери и ребенка, дальнейшее же развитие этих зародившихся чувств нуждается в высоком человеческом искусстве, в таком, нить которого сразу упускаешь из рук, если даже на мгновение теряешь из виду исходные начала, на основе которых создавалась тонкая ткань этого искусства. Опасность для твоего ребенка упустить эту нить очень велика. Он больше не нуждается в матери, окружающий его мир теперь всей своей чувственной прелестью взывает к нему: «Теперь ты мой». Новый мир становится для него матерью, новый мир становится для него Богом. Чувственное наслаждение становится для него Богом. Собственная сила становится для него Богом.

Светильник любви погас в нем: зародыш самоуважения исчез в нем; он идет навстречу своей гибели от необузданного стремления к чувственным наслаждениям. Когда в нем развивается зародыш доверия к ожившему для него явлению — миру — и его соблазны начинают подавлять и поглощать доверие к матери, не являющейся для него теперь тем, чем она была прежде, так же, как сплетение грубых жестких корней сорняков подавляет и поглощает более тонкое сплетение корней благородных растений, в этот момент, когда доверие к матери и упование на Бога разъединяются с доверием к новому явлению, миру, и всему, что в нем есть, здесь, на этом распутье, тебе следовало бы применить все свое искусство и всю свою силу, чтобы сберечь в своем ребенке чистоту чувств благодарности, любви, доверия и послушания.

Искусство воспитания должно сделать все, чтобы иметь под рукой средства для того, чтобы дать возможность подрастающему ребенку ощутить прелесть мира. Вот

когда ты впервые не должен доверить ребенка природе, а сделать все для того, чтобы вырвать руководство им из рук слепой природы и осуществлять его с помощью тех средств и сил, которые накоплены опытом тысячелетий.

Мир предстает теперь перед взором ребенка как мир, полный борьбы вследствие эгоизма, полный противоречивости, насилия, самонадеянности, сплошного обмана. Не первозданный, а этот мир завлекает твоего ребенка в водоворот, в глубинах которого бесчинствуют жестокость и нравственная смерть.

Мир предстает в это время перед взором ребенка, ничего не противопоставляя всему одностороннему и односторонне возбуждающему чувственные впечатления, вызываемые миром. Таким образом, его воздействие на ребенка благодаря своей односторонности и той живости, с которой ребенок воспринимает эти впечатления, имеет решающий перевес над впечатлениями, полученными им из опыта и чувств, лежащих в основе умственного и нравственного развития человеческого рода. /Обворованы культурой/.

Содействовать развитию заложенных в нас самим Богом средств, чтобы в единстве осуществлять наше умственное и нравственное совершенствование. Эти средства должны содействовать также согласованию обучения и воспитания, с одной стороны, с законами физического механизма, по которым наш ум от смутных восприятий переходит к четким понятиям, и, с другой — с нашими нравственными чувствами, благодаря постепенному развитию которых наш ум доходит до признания и почитания нравственного закона.

По мере того как развиваются наши чувственные силы, их преобладание в целях нашего облагораживания должно исчезнуть. Это значит, что должно произойти их подчинение высшему закону. Однако каждая ступень нашего развития должна быть завершена раньше, чем может произойти ее подчинение высшим целям. Это подчинение законченного тому, что еще предстоит завершить, требует прежде всего полного усвоения исходных начал всякого знания и самой обязательной непрерывности в постепенном переходе от исходных начал к цели, которую надо еще достигнуть.

Главный закон этой непрерывности заключается в следующем: первоначальное обучение ребенка никогда не бывает делом головы, никогда не бывает делом разума — оно вечно бывает делом чувств, делом сердца, делом матери.

Следующий за ним закон гласит: обучение человека лишь медленно переходит от упражнения чувств к упражнению способности суждения, оно долго остается делом сердца, прежде чем станет делом разума.

=====

Источник: Песталоцци И. Г. Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 1 / Под ред. В. А. Ротенберг, В. М. Кларина.— М.: Педагогика, 1981.—336 с. - С. 61-212.